

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Вечер в Киото

*В Японии много различных
праздников, но главный из них —
это встреча Нового года...*

*Из самоучителя
японского языка*

— Не хотели бы Вы провести вечер в Киото? Соглашайтесь, ведь это прекрасно — вечер в Киото! Ну, так как же?

Такими словами встретил нас однажды вечером в середине декабря Като-сэнсэй, когда после окончания рабочего дня мы по обыкновению зашли к нему в кабинет.

Като-сэнсэй, или Учитель Като, — это профессор Като Кюдзо, под руководством которого мы два месяца в конце 1980 — начале 1981 г. работали в Японском национальном музее этнографии (сокращенно — Мин-паку) в Осака. Это были незабываемые два месяца. Като-сэнсэй сделал все, чтобы мы смогли как можно больше узнать и увидеть. И когда он, сидя в своем кресле, на мгновение, улыбаясь, закрывал глаза, мы уже знали: в его голове рождался какой-нибудь очередной план — слетать на Окинаву или побывать у настоятеля всемирно известного синтоистского храма.

Так было и на этот раз. Като-сэнсэй познакомил нас со своим гостем Тагути-сан, или господином Тагути, одним из местных меценатов, попечителей этнографического музея.

И вот уже автомобиль нашего нового знакомого мчит нас на север, к древней японской столице Киото. Несомненно, это один из прекраснейших городов Японии, средоточие традиционной культуры, город-парк, город-музей. Впервые мы побывали там еще в 1968 г., во время VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.

Мы остановились у крохотного ресторанчика, примостившегося на берегу канала Такасэгава. Прозрачная вода в нем — предмет особой заботы жителей Киото. Даже с каменного мостика, перекинутого с одного берега канала на другой, видно, как в глубине неторопливо проплывают рыбки, словно играя с отблесками отражающихся в воде разноцветных огней вечернего города.

Традиционный интерьер помещения, ветки сосны в нише, изысканная сервировка стола — все это располагало к разговору об особенностях японской культуры, о *югэн* — скрытой сути и красоте вещей и явлений.

И тут оказалось, что Като-сэнсэй приготовил нам сюрприз. У его приятеля вдруг появилась в руках потемневшая от времени деревянная шкатулка, аккуратно завернутая в шелковую ткань и перевязанная шнурком. Открыв ее, Тагути-сан осторожно достал две старинные керамические чаши для чайной церемонии. Темно-коричневый отлив обжига, неровные края делали их похожими на удивительные цветы.

— Неужели это *раку*?

— Вот именно. К тому же этим сосудам уже более двухсот лет, и все это время они хранились в нашей семье, — говорит довольный Тагути-сан.

Нельзя без волнения держать в руках эти удивительные произведения искусства, которые до сих пор приходилось видеть только в музеях. Школа *раку* зародилась в XVII в., а создателями этого направления были, по преданию, корейские мастера керамики, которых немало работало в те времена в Японии.

— У этих чаш есть свой секрет, — продолжает Тагути-сан. — Налейте сюда немного чая и вы увидите, что дно одной из них начнет отливать зеленовато-голубоватым оттенком, потому что она предназначена для женщин, а другой — красноватым, это чаша для мужчины.

Мы по очереди наливаем в эти таинственные сосуды немного чая и, затаив дыхание, наблюдаем, как их дно начинает менять свою окраску. Чувства удивления, восхищения, радости овладевают нами — именно те чувства, которые через века передавал нам мастер, взявший своим девизом иероглифический знак *раку*, что означает «радость».

— Должен сказать, что вы поступили очень правильно, выбрав для посещения Японии канун Нового года, — замечает Тагути-сан, принимаясь разливать только что поданного на стол гигантского вареного краба. — Новый год — это лучшее время для того, чтобы понять душу японцев. Ведь во время новогодних праздников каждое украшение, каждая даже самая малоприметная деталь — все исполнено глубокого смысла, имеет свою скрытую символику. Вот хотя бы *мотибана*...

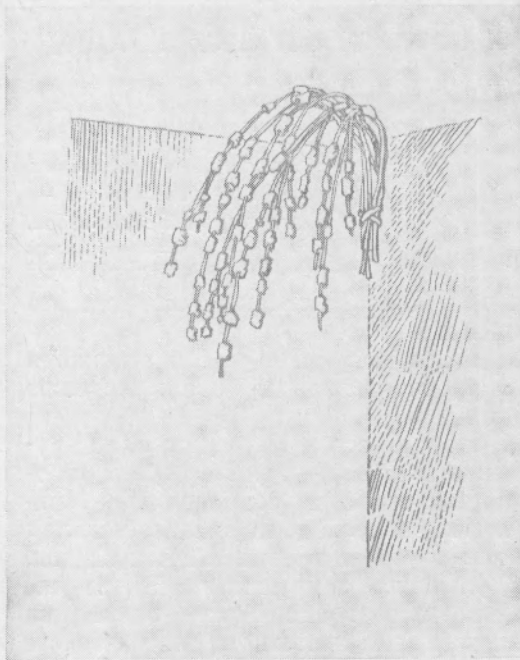

Рис. 1. Букет мотибана («цветы из моти») в Киото (здесь и далее рис. худ. В. И. Агафонов)

Несколько прутиков с нанизанными на них белыми и розовыми шариками прикреплены к верхней планке перегородки *фусума*.

— Мотибана — цветы из моти?!

Тагути-сан встает с татами и дотянувшись до букета, отламывает от него несколько веточек, чтобы можно было внимательно рассмотреть их вблизи. (Мы взяли эти прутики на память, и сейчас в Москве они напоминают нам о том вечере в Киото.)

Тогда мы впервые узнали о том, что из *моти* в Японии делают еще и цветы, напоминающие о приближении весны и цветения сакуры.

Собственно говоря, без моти вообще невозможно представить себе японский Новый год. Рассказывают, что в добрые старые времена уже с середины декабря в деревнях слушался монотонный, но приятный стук деревянных пестов, с помощью которых из клейкого риса в больших деревянных колодах приготавливали подобие теста. Это и есть моти. Рис отбивали мужчины, а женщины готовили «хлеб» различной формы. В некоторых местах моти готовили, отбивая зерна с помощью ножной крупорушки. В северных районах моти делают из проса или других зерновых. Ученые полагают, что такое моти более древнее по своему происхождению. В Минпаку мы видели моти и мотибана самых различных форм: в Японии, что ни район, то своя традиция. Сейчас моти редко при-

Рис. 2. Маленькие конвертики с магической надписью *о-тоси-дама* («Новогоднее сокровище»). Слева — конвертик в форме бумажной куклы, изображающей девочку в крестьянской зимней одежде; справа — в форме ракетки хагоята для игры в волан

готовляют вручную¹ — обычно покупают в магазинах и в лавках. Бойко идет в предновогодние дни торговля «караваями» из моти. Каждая семья украшает ими свой новогодний алтарь. Моти — важнейшая составная часть новогоднего блюда *о-дзони*. По окончании новогодних праздников и «цветы», и «каравай» из моти также употребляют в пищу, предварительно отварив и пожарив их. Считается, что моти приносит здоровье, долголетие и благополучие. Существует примета, что каждый, на счастье, должен съесть столько «цветов» из моти, сколько лет ему исполнилось в этом году.

— Да, Новый год — это особый праздник в Японии, — продолжал Тагути-сан. — Ведь Новый год у нас — это всеобщий день рождения, ибо еще недавно Новый год прибавлял возраст каждому, независимо от того, в каком месяце он родился.

— Коль скоро речь зашла о дне рождения, который многие по-прежнему отмечают в Новый год, — поддержал беседу Като-сэнсэй, — надо вспомнить и о подарках. Знаете ли вы, что такое *о-тоси-дама*?

— *О-тоси-дама* — новогоднее сокровище?

— Да. Раньше был, да и сейчас существует обычай, согласно которому отец дарит своим детям на Новый год завернутую в бумажку или положенную в специальный конверт монетку. Этот подарок и называется *о-тоси-дама*, что по-русски означает «новогоднее сокровище», — задумчиво проговорил Като-сэнсэй. — Монетка может быть совсем маленькой по своему достоинству. Это неважно. Важен сам подарок, пожелание счастья и благополучия...

...Потом в предновогодние дни мы стали страстными коллекционерами маленьких конвертиков с магической надписью «*о-тоси-дама*». На каждом таком конвертике в яркой лубочной манере или в манере детского рисунка запечатлены различные сценки новогоднего праздника: девочка, играющая в мячик *тэмари*; деревенские ребята около снежной бабы; малыш в традиционной одежде с зеленой веточкой в руках, унизанной новогодними подарками; мальчишки в масках львов. В декабре 1980, в преддверии 1981 г. — Года курицы, немало конвертов было украшено изображением петуха и курицы...

¹ С традиционным способом приготовления моти мы смогли познакомиться, просмотрев в видеотеке Минпаку этнографический фильм (№ 10567), рассказывающий о праздновании Нового года в рыбацкой деревушке Идзумо в 1976 г.

За этот вечер мы узнали о таких обычаях, которые не открываются взору сразу, а живут своей жизнью в душе и культуре народа, подобно той сокровенной красоте вещей и явлений, которую призвано выявить искусство и которую японцы называют югэн...

В вагоне ночной электрички, увозившей нас из Киото, народу было мало. Возбужденные и радостные мы продолжали обмениваться впечатлениями.

— А что, если нам на Новый год съездить в деревню, — неожиданно выдвинул Като-сэнсэй свой очередной план.

Страна Ямато в зимнем убранстве

*Инеем занесена
Трава на увядшем лугу.
Сайге (1118—1190)*

С середины декабря приметы приближающегося Нового года становились все более ощутимыми. Началась продажа новогодних украшений. Во многих местах открылись традиционные праздничные базары; так, например, в Токио, в районе Асакуса, 17—19 декабря началась распродажа красочных ракеток (*хагоита*) для новогодней игры в волан. В витринах засветились искусственные елки. На дорогах усилилось движение — перед Новым годом все стараются закончить дела старого года, а главное рассчитаться с долгами.

С новогодним праздником у японцев связано много интересных обычаев и обрядов. Причем в каждой префектуре до сих пор сохраняются свои местные традиции, есть различия в том, как отмечается этот праздник в городе и в деревне.

— Конечно, если по-настоящему изучать праздник Нового года в Японии, надо ехать в деревню, — сказал Като-сэнсэй несколько дней спустя после нашей поездки в Киото.

И мы поняли, что мечта о возможности встретить Новый год в деревне постепенно становилась явью.

— Правда, надо выбрать такое место, где до сих пор бытуют древние обычаи и обряды. Наверное, лучше всего поехать в Ямато, в горную деревню, — продолжал Като-сэнсэй.

Оставшиеся предновогодние дни были заняты подготовкой к поездке. ...В деревню Цугэмура, расположенную к югу от г. Нара, наша небольшая первая совместная японо-советская этнографическая экспедиция (как между собой мы называли нашу поездку) во главе с Като-сэнсэем приехала во второй половине дня 30 декабря 1980 г.

Двухэтажная японская гостиница *рёкан* под названием «Мия-но-маэ» (что означает «Перед храмом»), действительно, примостилась напротив местного синтоистского храма Касуга-дзиндзя. В *рёкане* помимо нас посетителей нет: в это время года в деревне мало приезжих и туристов. Наскоро разместившись в просторных, но холодных комнатах, мы отправились осматривать деревню.

Расположенная высоко в горах, деревня Цугэмура раскинулась отдельными кварталами, среди рисовых полей и невысоких холмов. История деревни насчитывает много столетий. Испокон веку живут здесь люди.

Сейчас в деревне много усадеб под черепичными крышами, хотя встречаются и старинные дома, покрытые соломой. Сохранились постройки, которым уже более ста лет. Среди полей зеленеет храмовая рощица еще одного синтоистского храма, Суйбун-дзиндзя, который, по преданиям, был основан еще в период Асука (VI—VIII вв.).

К домам примыкают огороды, на грядках которых и сейчас, в самом конце декабря, зеленеют овощи. За огородами — золотистые поля, с которых убран урожай. Снопам рисовой соломы уложены в копны. В разных районах страны эти копны имеют свою форму. Здесь они напоминают кукол, одетых в широкие юбки со множеством оборок.

Через оросительные каналы перекинута деревянная мостика. Поля простираются до горизонта. Эта отдыхающая земля с ровными линиями стерни, оставшимися от скошенного риса, красноречиво говорит об огромном труде японского крестьянина-рисовода. В некоторых местах рисовые поля расположены террасами, и сейчас особенно хорошо видны массивные камни, укрепляющие каждый новый уступ. На холмах зеленеют чайные кусты.

Вдали у горизонта две линии гор — те, что ближе к нам, очерчены более рельефно, а те, что дальше, подернуты легким туманом, и от этого весь пейзаж напоминает рисунок со старинных свитков.

О том, что и здесь наступила зима, говорили и туман над дальними горами, и маленькие зеркальца льда на убранных рисовых полях, и золотистый отблеск отцветших трав и лежащий кое-где иней. И холодный порывистый ветер.

И хотя в эти дни не шел обильный снегопад и температура редко опускалась ниже нуля (в это же время в телевизионных передачах показывали, как на севере о. Хонсю и на о. Хоккайдо страшные снежные заносы останавливали движение транспорта в городах), дыхание зимы ощущалось очень остро. Ощущалось оно и в сильных порывах ветра — ветра, от которого трудно было спрятаться (и который казался особенно пронзительным среди городских небоскребов), и в прозрачном инее, который по утрам покрывал все вокруг, и в непривычной для нас прохладе традиционного японского дома.

Зато каким символом уюта стали для нас *хибати* — переносные жаровни с раскаленными углями. Хибати — медные, фарфоровые, керамические. Маленькие и большие. Но всегда теплые и приветливые. Они слились в нашем представлении с новогодними праздниками и гостеприимством японских друзей. В доме нашего давнего друга Курокава-сан в г. Химэдзи нам даже довелось погреться около *котацу*, посидеть вокруг стола, покрытого теплым пледом, опустив ноги вниз в углубление, на дне которого под специальной решеткой грелась жаровня.

И только в эти холодные дни мы по-настоящему ощутили прелесть японской ванны *фуру*. Как приятно поздним вечером, после горячей ванны, выйти на открытую веранду и вдруг с удивлением увидеть, что в маленьком садике нашего деревенского рёкана, залитом лунным светом, все припорошено снегом — и ветви небольшой сосны, и вечнозеленый кустарник, и каменные светильники.

Не в такую ли ночь написал великий поэт Японии Сайгё более восьми веков тому назад знаменитую танка «Зимняя луна озаряет сад»:

Глубокой зимой
Как ослепительно ярко
Блещет лунный свет!
В саду, где нет водоема,
Он стелется, словно лед ².

Приветствие Новому году

У каждых ворот
Стоят молодые сосны.
Праздничный вид!
Во все дома без разбора
Сегодня пришла весна ³
Сайгё

Главная цель нашей поездки — знакомство с господином Иманиси, в семье которого соблюдаются многие старинные обычаи и традиции.

Иманиси-сан — один из старейших жителей деревни. Он родился здесь и прожил большую часть своей жизни в доме, который был построен его отцом более 70 лет тому назад. Старинные постройки усадьбы под чере-

² Сайгё. Горная хижина/Перевод со старояпонского Веры Марковой. М., 1979, с. 84.

³ По традиционному лунному календарю Новый год совпадает с началом весны.

пичными крышами расположились у самого подножия холма, покрытого густым, многовековым лесом.

Уже подходя к дому господина Иманиси, мы обратили внимание на стоящие перед воротами его усадьбы два тоненьких с зеленой листвой бамбуковых деревца, к которым внизу соломенной веревкой были привязаны большие сосновые ветки.

Это было *кадомацу* («сосна у входа») — приветствие приближающемуся Новому году.

Однако, как оказалось, кадомацу не было еще полностью закончено. В нашем присутствии хозяин дома протянул между бамбуковыми деревцами длинную и плотно сплетенную из рисовой соломы веревку — *симэнава*. Веревка была сплетена таким образом, что концы отдельных длинных соломинок торчали из нее как солнечные лучики. Примерно посередине к симэнава были прикреплены большие листья папоротника.

Затем Иманиси-сан из заранее приготовленных пакетов насыпал к основанию каждого деревца горки белой глины. Этой же глиной он посыпал дорожку, ведущую к воротам дома, и дорожку внутреннего двора.

Так на наших глазах было создано старинное по форме кадомацу...

...За время нашего путешествия по стране в предновогодние дни нам довелось увидеть кадомацу самые разнообразные по форме.

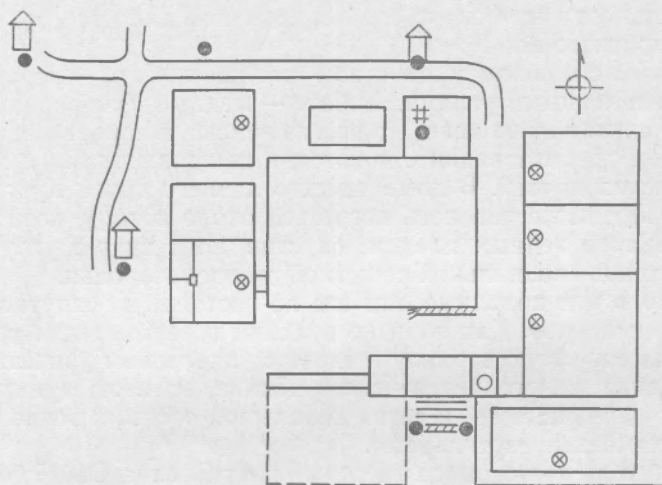

Рис. 3. Схематический план дома-усадьбы Иманиси-сан в деревне Цугэмура

По традиции кадомацу начинают готовить после 15 декабря. В городах около отелей, учреждений, магазинов устанавливают большие деревянные кадки, обвязанные симэнава. А в кадках помещают срезанные наискосок зеленые стволы бамбука и большие ветви сосны, а иногда и веточки сливового дерева. Для своих квартир горожане обычно покупают небольшие «букетики» кадомацу, которыми украшают входные двери. В окрестностях г. Нара, например, мы видели такие букеты, прикрепленные с двух сторон к воротам.

А вот в деревне Цугэмура мы увидели кадомацу, состоящее из целого деревца. И было это кадомацу очень похоже на те новогодние украшения, что запечатлены в гравюрах художников школы *укиё-э*. На следующий день в одном из синтоистских храмов в Цугэмура мы видели кадомацу, состоящее из двух молодых сосен, к которым были прикреплены ветви бамбука.

Сосна и бамбук — это растения, с которыми связаны определенные представления японцев. Вечнозеленая сосна издавна почитается как символ долголетия, бессмертия, как символ пожелания здоровья, радости, счастья. Бамбук почитается за свою стойкость: его зеленые, тоненькие стволы гнутся под сильным ветром, но никакой ураган не способен

сломать их. Поэтому бамбук также символизирует стойкость, способность противостоять невзгодам. Веточки сливового дерева, как и мотибана, символизируют скорый приход весны. С пожеланием богатства ассоциируется и сплетенная из рисовой соломы симэнава, которой с давних времен приписывается способность ограждать от темных сил

Помимо кадомацу, которым каждый дом, каждая семья приветствует приход новогоднего праздника, есть и другие украшения: это и большие флаги, и стоящая в горшках цветная капуста, и цветы мотибана...

Господин Иманиси проводит нас в хозяйственную часть дома. Здесь уже все приготовлено к встрече Нового года. Сплетенные из симэнава венки с расходящимися длинными лучиками и с большими листьями папоротника, а иногда и с прикрепленным мандарином украшают и водопроводный кран, и полочку с посудой, и *тавара* — старинное приспособление для плетения мешков, в которых хранится рис.

Прямо за домом начинается склон холма. Вслед за хозяином мы поднимаемся по узкой тропинке вверх. Проходим мимо маленького буддийского алтарика, мимо небольшого синтоистского святилища божества риса Инари — они украшены венками из рисовой соломы. Тропинка становится все уже и круче. И вот перед нами в быстро наступивших сумерках среди вековых деревьев — огромное дерево, на почтительном расстоянии окруженное симэнава. Это дерево — место обитания Духа горы («Яма-но ками»), покровителя местности и рода господина Иманиси.

Рис. 4. Старинное кадомацу было установлено перед воротами, ведущими в дом Иманиси-сан

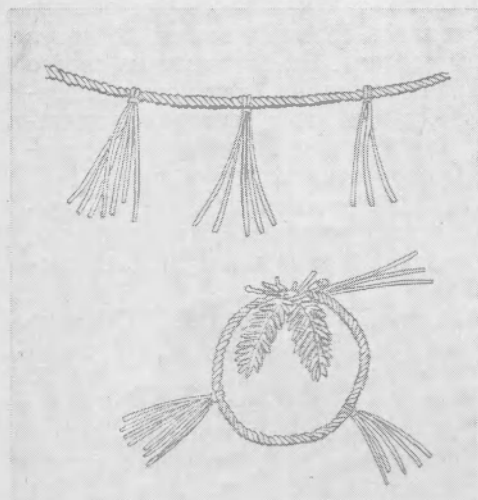

Рис. 5. Вот так из рисовой соломы плетутся венки, которыми украшают к Новому году все наиболее важные в хозяйстве вещи

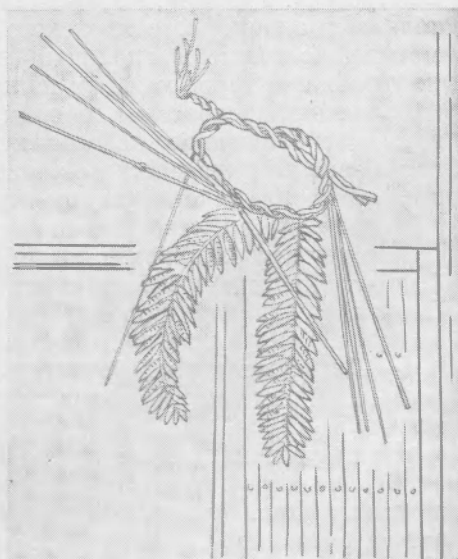

Рис. 6. Венок из рисовой соломы с листьями папоротника по случаю Нового года был повешен над входной дверью в доме Иманиси-сан

Рис. 7. В сельском универмаге можно купить новогоднее украшение для домашнего алтаря

У него за многие века ни разу не срубили ни одной ветки. И поэтому даже среди других старых деревьев оно кажется древним многоруким божеством, почтенным патриархом. Поклонение ему в канун новогоднего праздника связано с молением о благополучии семьи, о здоровье домочадцев и процветании дома...

Ужинать мы отправились в деревенский ресторанчик. Расположенный в крохотном помещении, он, как и многие другие японские ресторанчики, имел два отделения: стойку для посетителей и уголок с *татами* и низенькими столиками, где можно было расположиться более уютно. Ресторанчик — это своеобразный клуб местных жителей, место, где можно не только перекусить после трудового дня, но и перекинуться последними новостями, отдохнуть или просто повидаться со своими односельчанами.

Постепенно ресторанчик наполнялся народом. Заходили с детьми. Быстро ели. Уходили. Их место занимали другие. И тут мы стали свидетелями традиционного японского гостеприимства: неожиданно, как по мановению волшебной палочки (неожиданно, так как здесь рис обычно не готовили), перед каждым из нас появилась большая пиала, до краев наполненная прекрасным горячим рисом (*гохан*). Их принесла из своего дома, расположенного неподалеку, молодая женщина (как потом оказалось, жена хозяина местного универмага), узнав, что в ресторане ужинают приехавшие в деревню новые люди. Затем также неожиданно появилась рыба. Пиршество разгоралось. Разговор становился общим.

Но вот настало время, когда хозяева поинтересовались, откуда были эти иностранцы. Наш ответ был для всех полной неожиданностью. Особенно удивлялся молодой человек, сидевший рядом. Он снова и снова переспрашивал, заглядывая нам в лица:

— Да неужели вы действительно из России? Не может быть! Сколько живу, а никогда еще не видел русских! Да нет, не может быть, что вы из России!

Наши утвердительные ответы повергали его в изумление.

Вскоре снова появилась его жена, на этот раз с маленькой дочкой по имени Юмэ. Родители доверительно объяснили нам, что у них десять лет не было детей, и когда наконец родилась дочка, они назвали ее Юмэ — «Не сон ли это?». У молодой женщины оказался хороший голос, и она с удовольствием спела несколько песен. Мы расстались друзьями.

Идя по темному переулку к нашему рёкану, теперь мы уже сами задавали себе вопрос:

— Неужели это правда, что мы, советские этнографы, встречаем Новый год здесь, в деревне Цугэмура, на древней земле Ямато?
И сердце охватывало радостное изумление.

Обретение счастливых камней

*Хаяку кой-кой
О-сёгацу!
(О скорей, поскорей
Приходи Новый год!)*
*Припев из японской
детской новогодней
песенки*

До наступления Нового года осталось несколько часов. В домах над входными дверями появились сплетенные из рисовой соломы фигурки, часто напоминающие птиц, украшенные листьями папоротника и мандарином. Шла последняя подготовка к новогодним торжествам, так как, хотя Новый год в Японии уже давно стал государственным праздником, а новогодние каникулы (с 28 декабря по 4 января) — отдых для всех, встреча Нового года — это прежде всего семейный праздник.

В недалеком прошлом Новый год в Японии отмечали по лунному календарю, и наступал он в последний день 12-го лунного месяца, как только заходило солнце и восходил молодой месяц. Поэтому до сих пор некоторые старинные обряды выполняются с наступлением вечера.

Мы уже знали, что жители деревни Цугэмура сохранили с незапамятных времен и до сих пор сохраняют два очень древних новогодних обычая: обычай зажигания «первого» огня и обряд обретения счастливых камней.

И вот сегодня нам предстоит увидеть их...

Когда мы подошли к дому господина Иманиси, сумерки уже сгустились.

Будучи одним из старейших жителей своего квартала, в котором живут близкие родственники, как глава основного рода *хонкэ* Иманиси-сан руководит многими традиционными обрядами. Ему же принадлежит и право зажигания «первого» в Новом году огня.

У себя в доме после соответствующих церемоний господин Иманиси засветил свечку и поставил ее в большой бумажный фонарь. Затем, взяв в правую руку зажженный фонарь, а в левую — лаковый поднос, на который были положены листья папоротника и мандарин, он вышел из дома.

Ночная темнота уже опустилась над деревней. Из боковых переулков, от соседних домов навстречу Иманиси-сан вышли его родственники: среди них были двое мужчин, один мальчик лет 12 и четыре женщины. Каждый нес в руках бумажный фонарь (пока без огня) и лаковые подносы, на которых также лежали листья папоротника, мандарины, кусочки симэнава. Встретившись на перекрестке, на краю дороги и поля, они обменялись словами приветствий и поздравлений. Затем от фонаря Имманиси-сан был зажжен пучок соломы. Во вспыхнувшей маленький костер все бросили принесенные листья папоротника и мандарины. Это были «подарки-подношения» огню. После чего каждый зажег от костра свою свечку, а ею огонь в фонарях. Имманиси-сан сказал несколько приветственных слов, угостил сладостями, пожелал всем счастья в Новом году.

Весело переговариваясь, со светящимися фонарями в руках все разошлись. Каждый уносил с собой «огонь» Нового года. От этого огня они зажгут очаг.

Между тем со светящимся фонарем в руках господин Имманиси направился к одной из хозяйственных построек и достал из укрытия три небольших круглых камня красноватого цвета. Эти камни, незадолго до праздника найденные на берегу горной речушки и отобранные по цвету и форме, Имманиси-сан отнес домой, где они будут храниться весь год как символы счастья и благополучия...

Восходящий к древнему культу камня, этот обряд называется *фукумару мукаэ* («обретение счастливых камней»).

Нам говорили, что в других кварталах деревни жители выходят на перекресток дорог и криками (*Фукумару-мукаэ! Фукумару-мукаэ!*) призывают «счастливые» камни, призывают приход благополучия, радости и счастья в Новом году...

В новогоднюю ночь, возвращаясь домой, мы заглянули на территорию синтоистского храма Касуга-дзиндзя. Как и его прообраз, знаменитый Касуга-тайдзя в г. Нара, он украшен каменными светильниками, установленными вдоль небольшой аллеи. В этот час храм был еще пуст. Но кто-то уже зажег огонь в маленьких ажурных бронзовых фонарях, свисающих с кровли крыши. Перед входом в зал для молящихся стояли две молодые сосенки, соединенные симэнава. Под крышами боковых галерей также были протянуты длинные симэнава, дополненные специально вырезанными полосками белой бумаги (*гохэй*). Над входом в зал для молящихся с одной из потолочных балок свисал пучок красно-белых полотнищ, возвещавших о наступлении праздника.

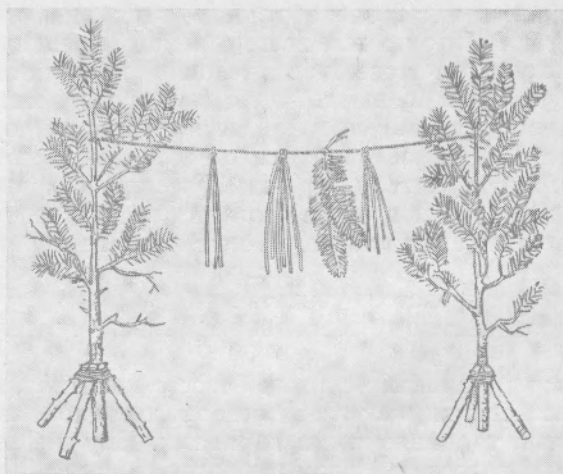

Рис. 8. Еще один вид старинного кадомацу. Оно было установлено в синтоистском храме Касуга-дзиндзя, в деревне Цугэмура

В левом углу внутреннего дворика лежали поленья дров, приготовленные для новогоднего костра *госинка* («божественный огонь»).

— Существует поверье, — сказал Като-сэнсэй, — что в новогоднем костре сгорает все зло прошлого года, что огонь госинка очищает от всякой скверны. Есть примета: тому, кто первым в новогоднюю ночь придет сюда, чтобы разжечь костер, Новый год принесет счастье и удачу...

Над горной деревней стояла ночь. На темном небе серебром отливали звезды. Было холодно и торжественно. И хотя под ногами не скрипел снег и вокруг не белели сугробы, ночь была именно новогодняя.

А вы отведали о-дзони!

Ити-Фудзи ни-така
Сан-насуби (первое — Фудзи,
второе — сокол, третье —
баклажаны)

*Японская народная
поговорка-примета,
связанная с Новым годом*

...За ночь в рёкане замерзла вода. Стекла раздвижных окон покрылись инеем.

Утро Нового года было ясным и светлым. В старину был обычай ходить встречать восход солнца. Поэтому на многих свитках, связанных с

новогодним праздником, часто изображается дневное светило. Солнце, ветки сосны и цветущей сливы обычно рисуют на одной из сторон ракетки (*хагоита*) для новогодней игры в волан.

Мы собрались вокруг праздничного стола. Появилась наша хозяйка. Обмениваемся с ней и друг с другом поклонами, поздравлениями, пожеланиями счастья в Новом году.

Затем на большом лакированном подносе хозяйка вносит угощение. Каждому из нас она вручает лакированную чашку, наполненную горячим, дымящимся душистым бульоном с кусочками моти. Это о-дзони!

Когда некоторое время спустя мы рассказывали своим японским друзьям, что встречали Новый год в деревне, то первым вопросом, который мы слышали от них, был вопрос:

— А вы попробовали о-дзони? —

И когда мы отвечали утвердительно, улыбались и говорили, что значит мы действительно встречали Новый год по-японски.

Для большинства японцев новогодний праздник ассоциируется и с лаковыми, керамическими или фарфоровыми чашками, наполненными душистым горячим о-дзони.

О-дзони готовят заранее. Сначала готовят моти, из которого затем делают круглые маленькие лепешки и отваривают их. Из морской капусты (*комбу*), бобовой пасты (*мисо*) и редьки (*дайкон*) варят бульон. Затем в этот бульон кладут вареное моти: в некоторых местах круглыми лепешками, в других — эту лепешку делят на кусочки. В бульон иногда добавляют соевого творога (*тофу*). В качестве приправы подают и сладкий бобовый порошок (*кинако*), в который можно обмакнуть кусочки моти.

И о-дзони, и другие блюда, которые мы попробовали в первое утро Нового года, связаны с благопожелательной символикой. Это и засахаренные кусочки морской капусты — символ счастья, и белая фасоль (*мамэ*) — пожелание здоровья (слово *мамэ*, обозначающее «фасоль», является омонимом слова «здоровья», есть такое выражение *мамэ-ни кура-симасё* — «будем здоровы») и икра (*кадзуноко*) — пожелание большого потомства, и корень лотоса (*рёнкон*) — символ хорошего зрения, пожелание прозорливости. Особым образом приготовленные маленькие рыбки *тай* — новогоднее поздравление, так как слово *тай* входит в состав слова *мэдэтай* — «поздравлять». Все эти угощения подаются в нарядных лаковых коробках-шкатулках *о-дзюбако*, нередко украшенных изображением ветвей сосны и цветущей сливы.

Рис обычно не едят. По традиции полагалось 1—3 января есть в основном холодную пищу, благодаря чему женщины имели возможность немного отдохнуть от домашних дел...

После завтрака, спустившись вниз, мы впервые застали все семейство нашей хозяйки в сборе: ее мать, она сама, ее дочь с мужем и маленьким годовалым ребенком. Все нарядны и праздничны!

Напротив входной двери в нише-токонома хозяева устроили *о-сёгацу-тана* («новогодний домашний алтарь») — символ обряда-угощения божества. *О-сёгацу-тана* включало: большой «каравай» моти, нанизанные на палочку сушеные плоды хурмы, мандарины, сушеную креветку, ветки сосны и листья папоротника. Внутри токонома висел круглый веер с изображением играющих детей. Здесь же помещались большой керамический сосуд и две фигуры львов-охранителей.

...Обычно новогоднее украшение в токонома сохраняется до 7 января. После чего листья папоротника, бумагу и подставку сжигают, а моти, хурму и мандарины (или апельсины) употребляют в пищу 15 января. Моти долго размачивают, а затем либо варят, либо жарят. Из мандарины делают сок с добавлением сахара (или меда) и воды. Эта еда считается благотворной для здоровья.

Фотографируемся с семьей нашей хозяйки. Выражая нам особое расположение, хозяйка настаивает на том, чтобы каждый из нас сфотографировался рядом с *о-осёгацу-тана* с их малышом на руках. И это тоже новогодний обычай, новогоднее благопожелание.

Рис. 9. К Новому году венками из соломы и папоротника были украшены и каменные светильники, стоящие в рощице, прилегающей к местному храму

Мать нашей хозяйки что-то быстро говорит Като-сэнсёу.

— Она напоминает нам, — переводит Като-сэнсэй, — что важно в ночь с 1 на 2 января положить под подушку рисунок с изображением богов удачи и богатства, сидящих в лодке, наполненной рисом, золотыми монетами и драгоценностями. Эта лодка и называется *такара-бунэ* — «лодка сокровищ».

В разговор вступают и молодые родители. Они с улыбкой повторяют поговорку-примету о толковании сна, который желательно увидеть именно в ночь с 1 на 2 января. Эту поговорку мы уже слышали и потому весело повторяем со всеми: «ити-Фудзи, ни-така, сан-набуси», что в переводе означает: «первое — Фудзи, второе — сокол, третье — баклажан».

Словом, в ночь на 2 января лучше всего во сне увидеть Фудзидму, тогда в Новом году тебя ждут большие успехи, процветание и счастье. Хорошо увидеть во сне и смелую птицу сокола: в Новом году будут удачи, все неприятности будут преодолены. Увиденный во сне баклажан «принесет» богатство и процветание.

К 9 часам утра мы направляемся к дому господина Иманиси. У ворот его дома выставлен государственный флаг. Иманиси-сан одет в праздничное темно-коричневое кимоно и хакама. Впервые мы знакомимся с его женой, пожилой женщиной в старинном кимоно. По случаю Нового года хозяева дома принимают нас в парадной комнате, где в токонома также устроен о-сёгацу-тана. По стенам комнаты развешаны вертикальные свитки с каллиграфическими надписями. Самые почитаемые из них — под фотографиями умерших родителей и братьев хозяина, тут же жаровня со свечами и новогодний венок из симэнава и листьев папоротника. Новый год в японской семье начинается с поминовения умерших предков.

Во время угощения, где опять центральным блюдом было о-дзони, перед каждым поставили отдельный столик. Ухаживала за всеми одна из невесток хозяина.

Наступление Нового года отмечается и в синтоистских храмах, где уже с ночи горят праздничные костры.

Господин Иманиси и его семья обычно посещают храм Касуга-дзин-дзя.

Когда мы все вместе пришли в храм, здесь собрались односельчане. В левом углу храмового дворика уже горел новогодний костер, около которого беседовали мужчины. В это время их жены в одной из галерей храма накрывали столы для праздничного угощения.

Время от времени раздавался легкий звон монет и хлопки в ладоши. Это вновь пришедшие бросали монеты в ящик и с поклоном передавали священнику (*каннуси*) свои подношения. Каннуси по случаю праздника облачен в церемониальную одежду, состоящую из белого кимоно, зеленой плиссированной юбки, черной шляпы с высокой тульей, немного загнутой назад. Ученые полагают, что костюм каннуси копирует придворную одежду VIII—IX вв.⁴

Около 10 часов в маленьком сельском храме началась праздничная служба...

...В тишине маленького сельского храма трудно было себе представить, что через несколько часов, в этот же первый новогодний день мы станем свидетелями массовых гуляний в больших синтоистских храмах Мива-мёдзи и Исоками-дзингу, увидим нарядную праздничную толпу, заполнившую улицы г. Тэнри и окрестности храма Тэнрикё.

Праздничные листы Имэй Футоси

*Скоро, скоро Новый год!
В праздничные дни
Будут мальчики волчки вращать!
То-то будет весело!
Из японской детской
новогодней песни*

...Среди многовековых сосен и гигантских криптомерий раскинулись деревянные строения буддийского храма Енкёндзи. Храм, основанный еще в X в., принадлежит секте Тэндай. Приверженцы этой секты эзотерического буддизма обычно строили свои храмы и монастыри в горах, в отдаленных, труднодоступных местах. И даже сейчас, в праздничные дни, здесь не так уж много посетителей. И, возможно, от этой уединенности, от непривычной, но благодатной тишины сами храмы, эти удивительные творения древних японских зодчих, кажутся еще более изысканными, ажурными, утонченными. Их прямые линии в сочетании с изгибами крыш, тонким кружевом консолей создают особую, неповторимую мелодию. Да, именно «застывшей музыкой» запомнились архитектурные комплексы Енкёндзи.

Из кабины канатной дороги, соединяющей Енкёндзи с Химэдзи, открывается великолепный вид на город и его окрестности. В окружении высоких гор лежит долина. Далеко за горизонтом земля сливается с небом и морем. Заполненная множеством крыш, равнина тоже напоминает море. Это впечатление усиливают зеленые холмы, тут и там возвышающиеся над городом как зеленые острова над морской гладью.

Нашим проводником по просторам широко раскинувшегося Химэдзи и его окрестностей в этот день была госпожа Коти-сан. Благодаря ее любезности мы побывали и в мастерской художника, приняли участие в чайной церемонии, были у нее в гостях, познакомились с графиком Имэй Футоси...

В небольшой комнате, занятой мастерской, мастер показал нам свои работы. Это были двух-, четырех-, шестистворчатые ширмы — непременная деталь традиционного японского интерьера. На больших листах, составляющих ширмы, Имэй Футоси в черно-белой гамме запечатлел виды родного города. На нас смотрел многолюдный, многоликий Химэдзи с его старинным замком и древними храмами, с узкими улочками, уходящими за горизонт, и невысокими холмами. Художник стремится запечатлеть мгновения сегодняшней жизни города и горожан во всех ее проявлениях и деталях. Все для него важно и полно смысла. Певец родного

⁴ Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 17.

Рис. 10. Мальчики запускают воздушных змеев. Репродукция с авторского оттиска гравюры художника Имэй Футоси (подарок автора)

города, Имэй Футоси, работает в жанре традиционной черно-белой гравюры. Он изображает Химэдзи во все времена года. Полнота и многообразие жизни, радость ее восприятия — вот эмоциональный настрой всех его работ. И поэтому, наверное, не случайно особое место в его творчестве занимают сцены праздников.

Мы сидим на татами в кабинете художника. Вдоль стен невысокие полки с книгами, среди которых прекрасные издания по истории мирового и японского искусства. Сёдзи сняты. Из маленького японского сада с цветущим кустарником, миниатюрным водоемом, с сосной и каменным светильником веет вечерней прохладой. В наступающих сумерках как-то особенно приятно рассматривать великолепные гравюры. Имэй-сэнсэй приносит все новые и новые папки. Вот листы с изображением замка, ловцов жемчуга, детского праздника *хина-мацури*, улочек родного города. А вот и новогодний праздник! Мальчики запускают воздушных змеев.

Поставив свою печать и подпись, Имэй Футоси дарит каждому из нас по несколько листов...

...Дома, в Москве, снова рассматривая гравюру Имэй Футоси, на которой он запечатлел новогоднюю игру японских мальчишек, снова поражаешься тому с какой экспрессией художник передал усилия ребят, запускающих высоко в небо своих огромных бумажных змеев. И кажется, что держат они не шелковые нити, а огромные серебряные трубы, возвещающие о наступлении Нового года, который всегда у всех народов связан с мечтой о счастье, с надеждой на то, что светлые силы победят зло. В этом глубокий и непреходящий смысл вечного праздника. Праздника, который всегда остается с нами.